

И.Л. Сизова

«НОВОЕ ОТЦОВСТВО» В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕ

В эпоху основательных изменений института семьи, семейных ценностей и отношений меняются ролевые установки родителей и их социальные статусы. Из семейного законодательства в Европе исчезают привычные гендерные обозначения, а положение семьи все больше зависит от ее потенциала. Развитые европейские страны стремятся разрабатывать культурные схемы ответственного родительства, создавать благоприятствующую семье социальную среду, регулировать деление и объем родительских функций. Так, в последнее время общественные институты стремительно реорганизуются вокруг новой, нормативно продвигаемой, поведенческой модели родителя-отца, способного к выполнению любой работы по уходу/воспитанию за детьми и их обеспечению. В статье при помощи анализа законодательства и данных социологических исследований показаны основные изменения в семейной политике в пяти группах европейских стран и реакции мужчин и женщин на эти инновации.

Ключевые слова: семья, родительство, отцовство, мужская идентичность, семейная политика, семейные роли, уход/воспитание и попечительство над детьми, разделение внутрисемейных обязанностей, мужская занятость, женская занятость.

Key words: family, parenthood, fatherhood, masculine identity, family policy, family roles, care/upbringing and guardianship of a child, distribution of family responsibilities, men's employment, women's employment.

В 2006 г. в Германии министерство семьи опубликовало доклад «Гибкая и надежная семья» (BMFSFJ 2006). Название доклада говорит о том, что, несмотря на новые риски постиндустриального общества, углубле-

ние индивидуализации, либерализации и феминизации западного мира, к институту семьи по-прежнему предъявляются требования по обеспечению безопасной жизни ее членов, солидарной помощи, устойчивости и стабильности.

Насколько современная семья способна соответствовать этим общественным и индивидуальным запросам? На протяжении длительного времени она подвергалась внешнему давлению, что привело к серьезным модификациям в ее структурных основах и функциональном назначении. Вот основные проблемы, с которыми конфронтрует западная семья:

- выбор форм семейной жизни и семейных ролей;
- борьба за распределение внутрисемейных обязанностей, включая домашнюю работу и уход/воспитание детей/попечение;
- поиск возможностей одновременного выполнения семейных и профессиональных задач.

Еще в 1950-е гг. в Европе доминировали традиционные представления о семье. Отец семейства был основным и зачастую единственным добытчиком, главой и представителем семьи во внешнем окружении, тогда как мать являлась ответственной за внутрисемейные эмоциональные связи, домашнюю работу и воспитание детей. Патриархат являлся значимым фактором стабильности в семейной (брачной) жизни, создавал однозначность в структурах принятия решений (Schmidt, Moritz 2009: 91–104). В 1960-е гг. появились сомнения в отношении правильности такого устройства, сформировалась относительно дифференцированная оценка патриархата с точки зрения социального происхождения и положения мужа/отца в обществе. Социологи давали следующее определение мужчине: он «...тем влиятельнее, чем выше его статус в обществе, чем автономнее его социальное положение и чем больше материальных и нематериальных преимуществ он может обеспечить своей семье. Наоборот, в семьях низкого происхождения мужчина поддерживает свое положение главы семьи за счет демонстрации физического превосходства» (Neidhardt 1975: 45).

В 1970-е гг. трансформация мира труда и образования, технизация домашнего хозяйства и новые семейно-значимые государственные регулирования в Европе повлияли на семейные и брачные структуры. Возникла новая картина повседневных представлений о мужественности и женственности. Однако влиятельное женское движение сфокусировало внимание лишь на роли матери в семье и обществе. Только сравнительно недавно в западных дискуссиях и исследованиях положение мужчины/отца стало играть более заметную роль (Grunow 2007: 50). Это отражается в ряде социологических опросов (Allensbach 2010), бесконечно растущем числе теоретических работ и в модернизации семейной политики (BMFSFJ 2005).

Причинами модификации представлений об «отцовстве» стали следующие процессы:

1. Экспансия образования в 1960–1970-е гг. Она способствовала повышению уровня образованности женщин и устранению гендерного неравенства в этой сфере (по данным Евростата: Eurostat 2002: 154).
2. Изменение модели хозяйства в западных странах в сторону распространения и развития сферы услуг. Образовательный капитал женщин, востребованный на рынке труда, и растущий спрос на женскую рабочую силу в сфере услуг способствовали увеличению участия женщин в трудовой деятельности (Hofäcker 2007: 164).
3. Изменения нормативных ценностей жизни как переход от «материальных ценностей» бытия (таких, как авторитет и значимость) к «постматериальным» (благополучие и саморазвитие)* и как желание достичь большего гендерного равенства (Inglehart 1997).
4. Изменение стилей жизни людей. Выросло поколение отцов, проживающих в больших городах, увеличилось число выходцев из высокообразованных слоев, которые не признают традиционных семейных ролей (Gesterkamp 2007: 99).

В настоящее время встречается множество определений отцов, большинство которых связано с повседневными стилями поведения и жизненным опытом мужчин. Существуют разведенные отцы, отцы единственного ребенка, одиноко воспитывающие детей, внебрачные отцы, отцы-иностранцы, приемные, безработные отцы, домохозяева, а также отцы, совмещающие разные стили в современной «лоскутной семье». Одновременно все чаще упоминается о некоем образе «нового отца», отдельные черты которого в Европе проталкиваются посредством семейной политики. Заметим также, что в последнее время сильно возросла роль семейной политики. Если в середине прошлого столетия она воспринималась зачастую критически, как вмешательство в частную сферу, то сейчас она способна продвигать в правовых актах гендерно-нейтральный язык (родители, один из родителей и пр.), проводить гендерный анализ законодательства, практически полностью нивелирующий картину отцовства и материнства.

В отдельных направлениях семейной политики в Европе существует стремление трансформировать отцовские роли таким образом, чтобы обеспечить достижение благополучия детей; гендерного равенства

* Согласно концепции «постматериализма», существуют отдельные индивиды или целые социальные слои, которые проповедуют ценности абстрактного или высокого уровня (здоровье, свобода, счастье), не характерные для большинства людей. Согласно Р. Инглхарту, такие ценности особенно релевантны в обществах, обеспечивающих физическую и психическую выживаемость — безопасность людей (развитые, благополучные страны), но при этом не удовлетворяющих культурные, социальные и интеллектуальные потребности.

и больших возможностей в синхронизации профессиональных и семейных обязанностей партнеров (Directorate for Employment 2010). Все без исключения европейские государства быстрее или медленнее вводят новые инструменты регулирования. Назовем наиболее популярные меры:

- сокращается время пребывания женщины в отпуске по уходу за ребенком и одновременно вводится «отцовский отпуск» (пока только на 2 месяца), имеющий эффект возмещения заработной платы и предотвращающий потери семейного дохода во время ухода за детьми;
- развивается сеть общественных и частных учреждений попечительства над детьми разного возраста, причем особый акцент делается на расширение сети дошкольного воспитания и ухода (с одного-двух лет);
- стимулируется новый образец семейных ролей посредством создания на рабочем месте для отцов и матерей «дружественной семье обстановки» (гибкое рабочее время, создание в организациях детских попечительских групп, игровых или для подготовки домашних заданий) (Evans, Callan 2003: 69–84).
- в общественных и частных службах по работе с семьей акцентируется роль отцов в семейных отношениях.

Однако не все европейские страны готовы к изменению поведения отца. В настоящее время выделяется пять групп стран, реализующих разную семейную политику (табл. 1) (Hofäcker 2007).

В североевропейских странах (Дания, Норвегия, Швеция, частично Финляндия) идея равенства реализуется как предоставление универсальных услуг гражданам на высоком уровне. Всем гарантируется равный доступ к семейным услугам, а сами семьи понимаются как сумма равноучитываемых лиц. Высокая занятость женщин (достигнутая в 1980-е гг.) конкурирует по объему и сложности работ с мужской. Этот результат является следствием низких экономических и временных затрат родителей на уход и воспитание детей. После введения в 1995 г. «отцовского отпуска» им пользуются гораздо чаще (более половины отцов в настоящее время), чем в других европейских странах. Наблюдается сокращение сроков пребывания женщин в отпуске по уходу за детьми. В этом отношении очень помогает развитая на самом высоком уровне сеть общественных учреждений. Между скандинавскими странами наблюдаются некоторые различия. Датские мужчины значительно меньше времени затрачивают на заботу о детях, чем шведские или норвежские мужчины. Это объясняется тем, что дети в Дании больше времени проводят в общественных учреждениях. 20 % шведских отцов вовсе не осуществляют попечение над своими детьми моложе трех лет, и их число увеличивается до 50 %, когда дети становятся школьниками. В Скан-

динавии женщины в два раза больше выполняют домашней работы в узком смысле (моют, стирают, убирают и пр.), большинство из них (75–80 %) берут отпуск по уходу за ребенком. Загруженность женщин, включая значительный уровень их занятости, снижает ценность эгалитаристских убеждений в этих государствах (Ostner 2008: 234).

В среднеевропейских странах (Бельгия, Германия, Франция, Нидерланды, Австрия, Швейцария) размер и качество услуг семье напрямую зависят от объема и длительности выплат страховых взносов работающих лиц. Поскольку работающими чаще являются мужчины, то и услуги, получаемые семьей, сильно зависят от их трудовых успехов. Правда, занятость женщин медленно приближается к мужской, зафиксированной на отметке в 80 %. В большинстве среднеевропейских стран на рубеже столетий были заняты две из трех женщин трудоспособного возраста. В Голландии этот уровень был достигнут чрезвычайно быстрыми темпами: занятость женщин выросла на 30 % за последние 20 лет. Внутри этой группы также существуют значительные различия. В Германии в сфере попечения над детьми государство все еще надеется на ресурсы семьи. Оно предоставляет длительный отпуск по уходу за ребенком и до последнего времени не задумывалось о развитии институтов раннего (до 3-х лет) попечения над детьми. В такой ситуации только один из родителей может позволить себе сделать карьеру в ранние годы жизни ребенка. В других странах (например, Франции, Бельгии, Швейцарии и Нидерландах) родители получают достаточно длительный отпуск по уходу за детьми и одновременно имеют свободный доступ к сети дошкольных учреждений. Это дает родителям право выбора между скорейшим возвращением в трудовую жизнь и длительным домашним попечением над детьми младшего дошкольного возраста. В Бельгии в последние годы родительский отпуск сокращен до 6 месяцев. В Нидерландах приветствуется работа родителей по сокращенному графику до достижения ребенком трехлетнего возраста, а в Швейцарии, в дополнение к 16-недельному отпуску по уходу за детьми, предлагается возможность работать по сокращенному графику вплоть до исполнения ребенку восьми лет. Независимо от конкретного правового оформления отпуска по уходу за ребенком во всех странах чаще всего его запрашивают матери: по данным 2004 г., меньше 1/10 всех отцов использовали эту услугу. Правда, введение «отцовского отпуска» постепенно меняет ситуацию. Новейшие политические усилия по увеличению гибкости рабочего времени, по изменению отношения работодателей к семейным людям, развитию сети дошкольных учреждений по скандинавскому образцу, указывают на изменение приоритетов в семейной политике.

Англосаксонские государства Европы (Великобритания, Ирландия) ориентируются на потребности семьи в помощи (оказывают адресную поддержку), поэтому расходы на семейную политику и услуги семьям

в целом незначительны. Зависимость от услуг сокращается посредством наращивания трудовых стимулов. Участие женщин в занятости выросло за прошедшие два десятилетия до 70 % и достигло уровня мужской занятости. Однако большая часть женщин работает на неполную ставку. Отпуск по уходу за ребенком не оплачивается государством и плохо развита сеть государственных дошкольных воспитательных и попечительских учреждений, что способствует развитию внутрисемейных конфликтов по поводу деления домашней работы и профессионального труда. Супруги стремятся как можно раньше выйти на работу (налажен относительно легкий доступ на рынок труда и существует высокое предложение рабочих мест). Чтобы обеспечить занятость, государство стимулирует развитие частных попечительских учреждений и стремится вовлекать мужчин в семейные дела. В Великобритании в 2008 г. правительство провело общественную кампанию с целью формирования общественного мнения о необходимости участия отцов в уходе и в воспитании своих детей, начиная с момента рождения ребенка. Об этом информировались сами семьи, общественные службы и добровольные организации, задействованные в попечительстве над детьми. Были опубликованы научные исследования, в которых утверждалось, что дети, растущие при сильных, заботливых отцах, в меньшей степени подвержены криминальному поведению, употреблению наркотиков и психическим проблемам.

В южно-европейских странах (Италии, Испании, Португалии) на рубеже столетий занятость женщин находилась на сравнительно низком уровне (менее половины). Здесь во многом сохраняется классическая модель семьи с основным добытчиком-мужчиной, и женщиной, занятой семейной работой и воспитанием детей, что поддерживается семейной политикой. Матери имеют длительный отпуск по уходу за детьми до 3-х лет и тем самым стимулируются к незанятости на основании необходимости ухода за детьми. Незначительно развита сеть дошкольных учреждений для детей до 3-х лет, а на рынке предлагаются в основном рабочие места с негибким трудовым графиком. При этом уровень рождаемости в Италии и Испании в настоящее время самый низкий в Европе.

В восточноевропейских государствах (Болгария, Польша, Россия и другие), вследствие социализма, уровень занятости женщин долгое время оставался высоким. Мощная (по крайней мере, на количественном уровне) семейная политика поддерживала высокий уровень женской трудовой активности. После реформ женская занятость заметно сократилась, а некоторая ретрадиционализация семейных отношений сбалансировала занятость в первое пореформенное время до типичного в индустриальной рыночной экономике уровня. Однако низкие доходы и семейные пособия вынуждают часть женщин возвратиться на рынок

труда, вследствие чего снижается рождаемость и множатся конфликты по поводу разделения семейных и трудовых обязанностей. Отцовский уход за ребенком, на основании доминирующих убеждений и из-за низких материнских заработков, является исключительной редкостью. К тому же желание ухаживать за ребенком не поддерживается начальством или коллегами и означает для отцов угрозу спада карьерных успехов (Hausegger, Schrems, Strobl 2003). Поэтому повсеместно только женщины покидают работу, чтобы сконцентрироваться на заботе о детях и домашнем хозяйстве. Такой традиционный образец деления семейных ролей будет оставаться тем выраженнее, чем в большей степени семейная политика и семейное право его будут поддерживать (Hofäcker, Lück 2004: 12–15).

Таблица 1

Классификация усилий стран, формирующих образ отцов

Группы стран	Участие в занятости мужчин и женщин		Условия, формируемые семейной политикой	Условия, формируемые предприятием
	Дифференциация мужского и женского участия в занятости	Уровень занятости женщин на неполную ставку	«Трудовая пауза» женщин	Гибкость труда
Северная Европа	низкая	средняя	короткая (до 1 года)	умеренно, особенно в общественном секторе
Англосаксонские страны	низкая	от средней (США) до высокой	короткая	от умеренной до высокой
Средняя Европа	средняя	от средней до высокой (Нидерланды)	длинная (иногда — свободный выбор, как во Франции и в Бельгии)	умеренная, но постоянно возрастает (в особенности в Нидерландах)
Южная Европа	высокая	низкая	длинная	низкая
Пост-социалистические страны	средняя	низкая	длинная	нет сведений

Семейная жизнь зависит не только от результатов государственных усилий, она во многом следует культурным образцам «хорошей жизни» (например, «хорошего отца»), которые меняются очень медленно. Однако сейчас установки европейских отцов уже не такие, как в прошлом столетии. Международной программой социальных исследований (ISSP) в рамках темы «Семья и изменение гендерных ролей» зафиксирована динамика этих изменений в период между 1988 и 2002 гг., в частности, в распределении домашних (включая хозяйственные дела и уход/воспитание детей) и трудовых обязанностей партнеров (Hofäcker 2007: 177).

Таблица 2

Одобрение высказывания «мужчина должен зарабатывать деньги, а женщина — заниматься домашним хозяйством и воспитывать детей» (в %, 2002 г.)

страна	женщины			мужчины		
	25–40	41–55	55+	25–40	41–55	55+
Дания	5,7	6,1	22,0	5,9	9,6	28,1
Финляндия	4,3	6,2	19,4	12,0	13,3	21,3
Норвегия	2,7	4,8	14,0	7,1	9,0	23,7
Швеция	1,7	2,1	11,1	6,3	7,9	18,8
Германия	13,0	14,7	30,1	14,3	16,3	40,9
Нидерланды	5,3	12,0	20,0	11,2	10,1	24,2
Великобритания	6,6	10,2	30,1	9,2	15,0	42,0

Примечания: ответы «согласен» и «полностью согласен» объединены.

Источник: (Ostner 2008: 231).

Табл. 2 дает возможность оценить новую ориентацию западноевропейского населения в отношении семейного разделения труда. Новые нормы в большей степени воспринимаются молодыми поколениями, больше женщинами, чем мужчинами, и лучше усвоены в скандинавских странах, чем в государствах с традиционной моделью «одного кормильца в семье». Традиционное деление труда в семье стирается в том случае, если оба партнера или родители включены в трудовую деятельность. Наоборот, если в семье оба родителя или кто-то один устроен на неполную ставку или вообще не работает, мужчины чаще придерживаются традиционных установок. Циклы семейной жизни, такие, как рождение детей, не сильно сказываются на разделении семейного труда. Однако отцы большого семейства (с тремя детьми и более) чаще следуют традиционной роли. Социальное окружение вносит серьезные коррективы в установки мужчин. Мужчины, проживающие в сельской местности, в большей степени склонны к традиционной роли кормильца, тогда как

мужчины из городов относятся к ней критически. Разделение семейного труда тесно связано с образованием: чем выше образование отцов, тем чаще у них возникает желание уделять внимание семье и семейным делам, чем ниже, тем более они склонны к традиционным отношениям. Другим основанием для традиционного поведения отцов выступает интенсивность религиозного чувства вне зависимости от конкретной принадлежности к конфессии: религиозные отцы чаще придерживаются традиционных взглядов на семью.

По данным немецкого исследования 2007 г., установка на равенство в выполнении домашнего труда и профессиональных обязанностей сильно дифференцируется по социальным группам (BMFSFJ 2007: 11–23). Интерес к этой теме проявляют лица, относящиеся к средним слоям населения, желающие модернизации и социальных реформ, а также т. н. «постматериалисты». Консервативно настроенные круги общества, традиционалисты, потребители и гедонисты не придают ей значения. Между крайним пренебрежением и явным интересом существует средняя позиция (этаблированные). В целом, данная проблема важна для элиты и средних слоев населения и совсем игнорируется группами, расположенными в основании социальной пирамиды.

Большинство мужчин, исповедующих традиционные убеждения (*«традиционалисты»*), никогда не мыли и не одевали детей, очень редко выходили гулять с ними по выходным, поскольку они не считали это «своим заданием». Они сопротивляются всем изменениям в принципах ухода за детьми, особенно маленькими, и выступают против помещения ребенка в ясли. Такие мужчины уверены, что если женщина решила родить ребенка, она должна в первые два-три года находиться при нем неотлучно, поскольку лучшее воспитание дает именно мать, а не общественные (частные) учреждения (*«квазидетские дома»*). Программа равноправия воспринимается традиционалистами как угроза общественным ценностям и идентичности мужчин и женщин, как атака на сложившиеся социальные роли.

Консервативные элементы общества выступают за традиционное разделение обязанностей в семье, которое выполняет особую роль: оно связывает поколения, поэтому отдельные члены семьи должны этому подчиняться. Консервативно настроенные мужчины считают, что мать должна работать, если ее ребенок посещает детский сад, или находится дома, чтобы воспитывать детей, поскольку данная потребность заложена природой. Собственная роль в воспитании детей в этом случае замалчивается.

Ведущие слои немецкого общества (элиты) принимают равенство. Однако в реальности в их семьях часто бытует традиционное разделение обязанностей. Мужчина, как правило, занимая высокую должность, едва ли заботится об организации домашнего хозяйства, воспитании

детей. Он полностью сконцентрирован на работе, а отказ жены от профессиональной деятельности, часто уже в период создания семьи, рассматривается как разумный компромисс. Если жена строит карьеру, она должна в первую очередь позаботиться о домашнем хозяйстве и детях. Мужчина помогает в выполнении отдельных дел, например, отвозит ребенка в школу, хотя это является не столько четко предписанной обязанностью отца семейства или семейной необходимостью, сколько повседневным семейным ритуалом. Таким образом, женщина «имеет право» заниматься собой или карьерой, но только до тех пор, пока это не сказывается негативно на жизни семьи. Данные установки отцов являются следствием функционально-прагматических рассуждений партнеров, правда, дополняемые традиционными правилами, привычками и ритуалами.

«Постматериалисты» — это авангард женского движения с 1960–70-х гг. Они выступают движущей силой общественного стремления к гендерному равенству. Среди постматериалистов распространены такие ценности, как индивидуализм, просвещение, самоопределение. Равенство для них — не столько идеал, сколько конкретная задача, которая должна быть воплощена на практике. В этой группе типичным является гендерный дуализм. Каждый мужчина перенимает женскую часть опций (свойств), которые не акцентируются женщинами и должны стать мужским делом. Правда, при создании семьи и рождении ребенка часто происходит возвращение к традиционному делению ролей, поскольку семьи, образуемые людьми со сходными идеалами, чаще ориентируются на прагматические задачи. Мужчины высказывают мнение о том, что для полного равенства требуется время, и борются за структурные изменения в обществе (например, за создание общественных учреждений по уходу за детьми). На микроуровне же ничего не происходит: мужчины считают, что если они совершат «мужественный» шаг в направлении равенства, то у них не сложится карьера или организация будет чинить им препятствия.

«Современные реформаторы» — это довольно молодое поколение людей, выросшее после боев феминизма 1970–1980-х гг. и впитавшее основы равенства, однако равенство для них не является политической программой и идеалом. Их цели заключаются в самореализации посредством личностных ресурсов и компетенций. «Типичный мужчина» и «типичная женщина» не являются для них категорией, скорее вариантом в ментальных играх, и этот образ они примеряют к себе в зависимости от ситуации. Для них характерно гибкое использование ролей: например, образ «мачо» направлен не против женщины, а используется для самозащиты. Они не идентифицируют себя с общественно-предписанными ролями, а адаптируют и модифицируют их удобным способом. Роль — это не признак личности, а скорее ресурс, инструмент, опция. Мужчи-

ны абстрагируются от традиционного разделения обязанностей, но с таким же успехом от всего, связанного с феминизмом. Они не запрограммированы по поводу будущей семьи и детей. Мужчины часто откладывают создание семьи до 30 лет, но убеждены, что в воспитании детей должны равным образом принимать участие оба партнера из-за того, что каждый член семьи имеет право на получение удовольствия в жизни. Их задача — правильно использовать время (для работы, детей, семьи). Плохо то, что данный жизненный проект функционирует только до момента беременности партнерши, и в юном поколении реформаторов еще много одиноко проживающих мужчин или живущих отдельно от партнерши (LAT)*. Такое положение является следствием напряженности рынка труда, которая негативно отражается на гибкости функций мужчин в семейной жизни. Выступая за развитие «поддерживающих структур» (детских садов, услуг, нянь, «дружественной семье» ориентации предприятия), они не хотят введения нового стандарта воспитания (вне семьи), а преследуют возможность только собственной свободы в действиях. Сторонний уход за детьми должен отвечать таким же критериям, каких они ожидают от себя: профессионализму, активности, инновациям. Поэтому «реформаторы» критически относятся к существующей системе попечения над детьми и хотят полной защиты и развития своих детей, из-за чего используют частные формы помощи. Если мужчины включены в независимую профессиональную деятельность или работают в своем офисе (архитекторы, программисты, преподаватели, переводчики, фотографы и пр.), они на равных с партнершей участвуют в домашних делах и в воспитании детей. Если женщина работает на полную ставку или не может уйти с работы (негибкий труд), они берут ее обязанности на себя и не страдают от этого, а считают такую деятельность необходимостью и своим собственным жизненным опытом.

Гедонисты. В этой группе особенно выделяются «экспериментаторы». Они гибки, креативны и стремятся менять роли, но не для достижения целей, а чтобы изучить себя. Примеряя «отцовскую» роль, мужчины не адаптируют ее под себя, а пытаются создать новые образцы и комбинации поведения. Если в молодости многие из этой группы одиноки и бездетны, то со временем они «вырастают» из этого состояния. Мужчины создают семью и пробуют себя на новом поприще. Значимой здесь является следующая взаимосвязь: многие из таких отцов одиноко воспитывают детей.

Данные приведенных и других исследований показывают, что установки европейцев постепенно меняются в сторону либерализации и эгаллизации ролей обоих партнеров. Однако установки отцов часто не соответствуют их реальному поведению. В исследовании Международной

* Living apart together.

программы социальных исследований (ISSP) был проделан анализ фактического времени, затрачиваемого отцами на семью, работу по дому и профессиональный труд. В результате оказалось, что отцовское поведение сильно отличается от материнского и частично даже свидетельствует о так называемой «ретрадиционализации» роли отца (Hofäcker 2007: 107–139).

В скандинавских и англосаксонских странах, а также во Франции и Нидерландах мужчины оценивают временные затраты на дом и семейные обязанности как низкие (не более 25 часов в неделю). Мужчины в России, Польше, Словакии и Чехии считают, что затрачивают по 40 часов в неделю. Отцы из других стран Европы (среднеевропейских, южноевропейских и оставшихся восточноевропейских) указывают среднее время между этими двумя крайними позициями. Заметные различия между странами являются следствием разной организации рынка труда и усилий семейной политики. В Северной Европе финансируемый государством сектор услуг семье снижает участие мужчин в домашней работе, в англосаксонских странах — хорошо развитый частный сектор. Значительные временные затраты на работу по дому мужчин из восточноевропейских государств объясняются недостаточным развитием сектора услуг по уходу за маленькими детьми, его недоступностью или отсутствием. В то же время технические приспособления, упрощающие и убыстряющие домашнюю работу, очень в различной степени используются в домохозяйствах европейских государств. Однако во всех исследуемых странах просматривается сохранение тенденции ограниченного участия отцов в домашних делах, особенно при сравнении временных затрат на выполнение домашних обязанностей отцов и матерей. Самое значительное неравенство (матери в три раза больше времени тратят на домашние дела, чем отцы) существует в странах, в которых законы и меры семейной политики поддерживают модель одного кормильца в семье. Это южноевропейские страны, частично Германия, Австрия и Швейцария. Даже в эгалитарных скандинавских странах матери в полтора-два раза больше времени посвящают дому, чем отцы. С одной стороны, данный итог является следствием государственных усилий по объединению семейных и профессиональных обязанностей родителей, а с другой, свидетельствует о том, что все-таки цель семейной политики заключается в сокращении домашней нагрузки женщины, а не в стимулировании участия мужчин в делах семьи. Как показывают данные из Франции, женщины больше ориентируются не на мужскую помощь, а на частные и общественные услуги в секторе домашней работы. Хорошо зарабатывающая женщина в большей степени обеспечивает домашний уют, чем ее партнер. В англосаксонских странах более или менее равное распределение домашних обязанностей является следствием не программ семейной политики, а значительной профессиональной заня-

тости женщин, что способствует снижению ее зависимости от домашней работы. В восточноевропейских государствах (например, Литве, Польше и России) относительно интенсивное участие супругов в домашней работе и значительное временное инвестирование родителей в детей, при отсутствии помощи со стороны семейных программ и полной занятости мужчин и женщин, приводит к серьезной перегрузке обоих родителей, и особенно отцов, которые чаще работают больше матерей.

В немецком исследовании разделения труда родителей (Бамбергская родительская панель, 2006 г.) установлено, что с течением времени брака разделение обязанностей между партнерами сильно смещается в сторону традиционной модели: «после 14 лет брака 85 % пар являются очень традиционными или традиционными, и только 14 % партнеров выполняют обязанности нетрадиционным способом» (Schulz, Blossfeld 2006: 23–49). Данная тенденция не зависит от образования женщин, более того, в парах, в которых женщина имеет более высокое образование, чем ее партнер, традиционное разделение труда выражено сильнее всего.

В табл. 3 представлены временные затраты отцов и матерей на уход за детьми (Hofäcker 2007: 197).

В немецкой части опроса о реализации отцовских и материнских ролей «Семейное разделение труда в Европейском Союзе» (Walter, Künzler 2002: 105)* устанавливается, что в среднем женщины в Германии на уход за ребенком тратят по 28 часов в неделю, а мужчины — по 18 часов (незначительная разница). На выполнение профессиональных обязанностей, включая поездки, получение образования, мужчины тратят 52 часа в неделю, а женщины — 18 часов (значительная разница). На выполнение домашней работы женщины затрачивают 40 часов в неделю, а мужчины только 16 часов. В отношении времени, затрачиваемого на попечение над детьми, не удалось объяснить отцовское поведение, а только доказать, что увеличение рабочего времени всего на один час в неделю приводит к снижению на 10 минут в неделю времени, затрачиваемого на ребенка. Увеличение возраста ребенка на один год снижает расход времени на него со стороны отца на 34 минуты. Негативно отражается на времени, затрачиваемом отцом на ребенка, количество детей в домохозяйстве. С появлением каждого нового ребенка в семье отец сокращает эти затраты в среднем на 80 минут в неделю. В этом может заключаться причина традиционализации роли отца в большой семье. С другой стороны, отцы, которые описывают себя при помощи женских стереотипов, таких как мягкосердечие, чувствительность, больше времени уделяют своим детям. Отцы, которые указывают все восемь женских

* Немецкая часть опроса была проведена в 2000 г. Был осуществлен телефонный опрос 3100 респондентов в возрасте от 20 до 50 лет.

Таблица 3

**Расходы времени матерей и отцов на уход за детьми
в европейском сравнении (2002 г.)**

Группа стран	Страна	за детьми до 7 лет				за детьми после 7 лет			
		еженедельно (в часах) 1998–2000		ежедневно (в час/мин) 1998–2002		еженедельно (в часах) 1998–2000		ежедневно (в час/мин) 1998–2002	
		О	М	О	М	О	М	О	М
Североевропейские страны	Финляндия	16,5	31,7	1,03	2,34	5,2	7,2	0,09	0,19
	Норвегия			1,13	2,17			0,11	0,28
	Швеция			1,07	2,10			0,24	0,39
Англосаксонские страны	Великобритания			1,00	2,22			0,12	0,26
Среднеевропейские страны	Бельгия			0,51	1,54			0,16	0,32
	Германия	22,5	37,8	0,59	2,18	15,6	20,8	0,13	0,32
	Франция	13,0	26,1	0,40	1,57	5,7	7,2	0,09	0,30
	Нидерланды	12,6	26,3			4,5	8,6		
Южноевропейские страны	Греция	19,9	36,5			10,8	15,1		
	Италия	19,7	36,0			7,4	7,0		
	Португалия	11,8	22,0			1,7	3,7		
Восточно-европейские страны	Эстония			0,50	2,39			0,10	0,28
	Венгрия			1,11	2,56			0,21	0,40
	Словения			0,56	2,23			0,07	0,19

Примечания: расходы времени подчитывались автором (Д. Хофэкером) на основании разных источников данных и времени, в течение которого проводилось обследование.

О — отцы

М — матери

качеств*, на четыре часа больше проводят со своими детьми, чем те, которые их не указывают (Ibid: 111–114).

Если учесть, что целью семейной политики является стимулирование модели «новых отцов», важно понять, насколько такая модель

* К основным признакам женского поведения относят дружелюбность, адаптивность, спокойствие (готовность смеяться в разговоре), «социальные» (не технические) способности, рукоделие (немеханическое мастерство), спонтанность, робость, непостоянство. На всемирной конференции ООН по правам женщин (Пекин, 1995 г.) перечисленные признаки стали способом различения биологической женственности (пола) и социальной женственности (гендера).

в принципе может реализоваться. *Во-первых*, существенно, что ее появление приветствуется во всех европейских странах. Это соответствует тенденциям на рынке труда и общественно-политической жизни развитых государств.

Во-вторых, можно предположить, что для мужчины попечительство над детьми является самостоятельным решением. Весомую роль в нем играет фактор затрат на выполнение профессиональных обязанностей, после чего мужчина думает, как провести оставшееся время. Таким образом, остается гендерная специфика родительских ролей, хотя роль отца меняется под давлением установок («дестереотипизация мужской гендерной идентичности»), и, в меньшей степени, посредством нормативных предписаний.

В-третьих, современные условия жизни (доступ к инфраструктуре, образованию и пр.) способствуют увеличению числа отцов, не признающих традиционные семейные роли, и усиливают тенденции «семьи-зации отцов» (Gesterkamp 2007: 99) и «феминизации» их роли (Cyprian 2007: 27),* либо существование т. н. «безотцовских семей» (Walter 2001).** В этих сценариях у отца пропадает собственная отцовская позиция и появляется «мапа» как одна родительская часть, претендующая на эмоциональность и интимность в отношениях с ребенком (Matzner 1998: 13–14). В любом случае, в настоящее время еще не сложилось какой-либо унифицированной картины отцов, которая бы реализовалась на Западе как нормативная и на которую можно было бы опираться. Соответственно, возникает пространство для любых инициатив и инноваций.

В-четвертых, характеристики «новых отцов» сами по себе не являются определяющим критерием для реального включения мужчин в домашнюю работу. На разделение домашнего труда воздействуют культурные образцы жизни (традиции, нормы), которые, в свою очередь, на макроуровне могут быть воплощены в концепцию и инструменты семейной политики, а на микроуровне иметь следствием организацию повседневной жизни. Оба направления (семейная политика и организация повседневной жизни) связываются с биографическими фактами. Взаимодействие этих сил воссоздает определенные формы семейных отношений и, в конечном итоге, способствует выбору определенной модели поведения внутри семьи. Наиболее выраженной в настоящее время является тенденция по эгализации родительских отношений

* Отцы ухаживают за детьми уже в младенческом возрасте и между ними возникают аффективные отношения.

** Это такие семьи, в которых совершенно стирается традиционная отцовская роль, супруги в равной степени делят между собой обязанности как внутри семьи, так и вне ее.

в Скандинавии, в которой существуют гендерно нейтральные рынок труда и семейная политика. В странах, в которых поддерживается модель одного кормильца в семье или значимым является мужской труд (мужская модель труда), тенденция к образованию слоя «новых отцов» не явная.

В-пятых, при принятии решений относительно внутрисемейного разделения труда имеют значение определенные параметры семейной политики, при которых родители заранее «знают», что они будут иметь относительную степень стабильности при выборе варианта поведения. Например, молодая женщина, выросшая во Франции или в Скандинавии, «знает», что если она со своим партнером родит двоих и более детей, то они при этом без особых трудностей смогут продолжать работать. В то же время в Германии молодые женщины понимают, что если они родят второго ребенка, то по крайней мере до тех пор, пока ребенок не подрастет, они скорее всего не смогут работать.

В-шестых, в странах Западной Европы усиливается проблема предъявления завышенных требований к родителям по воспитанию детей со стороны социализирующих инстанций. Так, в немецком докладе «Семья будущего» выдвигается цель развития родительских компетенций с целью улучшения шансов детей в будущем (BMFSFJ 2006: XXVIII). Тем самым, на политическом уровне определяется якобы существующий «проблемный» слой людей с отсутствующими родительскими компетенциями и ответственностью. Такой вывод провоцирует сомнения у молодых пар в том, смогут ли они в социальном смысле стать родителями, вследствие чего может проявиться феномен «недоступного родительства», при котором лишь специальная группа, получившая нужные сертификаты и дипломы в определенных профессиях/образовательных учреждениях, будет обладать этим правом (Willemsen 2001: 11).

В заключение отметим, что в Европе развивается новый вид политики — политика в отношении мужчин. Однако продвижению нового образа мужчины и отца «мешают» традиционные структуры и культурные нормы. На Западе считается, что требуется время и продолжительное интенсивное участие всех заинтересованных сторон — государства, бизнеса и самих отцов, чтобы социально востребованная сегодня модель «нового отцовства» могла реализоваться.

Литература

Allensbach (Institut für Demoskopie). Monitor Familienleben, 2010. [<http://www.ifd-allensbach.de/main.php?selection=73&rubrik=0>]. Дата обращения: 15.10.2010].

BMFSFJ. Monitor Familiendemographie. Ausgabe No 3: Väter und Vatersbilder in Deutschland. Berlin, 2005.

BMFSFJ (Bundesministerium fuer Familie, Senioren, Frauen und Jugend). Familie zwischen Flexibilitaet und Verlässlichkeit. Siebter Familienbericht. 2006.

BMFSFJ Sinus Sociovision GmbH: Rollen im Wandel — Strukturen im Aufbau Eine sozialwissenschaftliche Untersuchung vor dem Hintergrund der Sinus-Milieus. Berlin, 2007.

Cyprian C. Väterforschung im deutschsprachigen Raum — ein Überblick über Methoden, Ergebnisse und offene Fragen / Mühling T., Rost H. (Hg.). Väter im Blickpunkt: Perspektiven der Familienforschung. Opladen, 2007.

Directorate for Employment, Labour and Social Affairs (OECD) [www.oecd.org/els/social/family/database Дата обращения 3.09.2010].

Eurostat. The Live of Women and Men in Europe: A Statistical Portrait. Luxemburg, 2002.

Evans J., Callan S. Finns' Contribution the Reconciliation Between Work and Family // CESifo DICE Report. 2003. No 4. Pp. 69–84.

Gesterkamp T. Väter zwischen Laptop und Wickeltisch / Mühling T., Rost H. (Hg.). Väter im Blickpunkt: Perspektiven und Familienforschung. Opladen, 2007.

Grunow D. Wandel der Geschlechterrollen und Väterverhalten im Alltag / Mühling T., Rost H. (Hg.). Väter im Blickpunkt: Perspektiven und Familienforschung. Opladen, 2007.

Hausegger T., Schrems J., Strobl M. Väterkarenz. Ergebnisse einer Recherche zu diesem Thema auf Basis vorhandener Literatur und Daten: Endbericht. Wien, 2003.

Hofäcker D., Lück D. Angleichung nationaler Einstellungsmuster in Richtung eines liberaleren Rollenmodells? Einstellungen von Frauen zur geschlechtsspezifischen Arbeitsteilung im internationalen Vergleich // Informationsdienst Soziale Indikatoren. 2004. Nr. 32. S. 12–15.

Hofäcker D. Väter im internationalen Vergleich / Mühling T., Rost H. (Hg.). Väter im Blickpunkt: Perspektiven der Familienforschung. Opladen, 2007.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.

Matzner M. Vaterschaft heute: Klischees und soziale Wirklichkeit. Frankfurt/Main, New York, 1998.

Neidhardt F. Die Familie in Deutschland. Gesellschaftliche Stellung, Struktur und Funktionen. Opladen, 1975.

Ostner I. Familie und Geschlechterverhältnis / Schneider N. F. (Hg.). Lehrbuch moderne Familiensoziologie: Theorien, Methoden, empirische Befunde. Opladen, 2008.

Schmidt U., Moritz M.-T. Familiensoziologie. Bielefeld, 2009.

Schulz F., Blossfeld H.-P. Wie verändert sich die häusliche Arbeitsteilung im Eheverlauf? Eine Längsschnittstudie der ersten 14 Ehejahre in Westdeutschland // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2006. Jg. 58. Heft 1. S. 23–49.

Walter W., Künzler J. Parentales Engagement. Mütter und Väter im Vergleich / Schneider N.F., Matthias-Bleck H. (Hg.) Elternschaft heute. Gesellschaftliche Bedingungen und individuelle Gestaltungsaufgaben. Opladen, 2002.

Walter W. Das “Verschwinden” und “Wiederauftauchen” des Vaters. Gesellschaftliche Bedingungen und soziale Konstruktion / Walter H. (Hg.) Männer als Väter. Giessen, 2001.

Willemssen T. Patterns of work, childcare, and household tasks in Europe: Results of a comparative study, Tilburg University. Paper presented at the conference “New Patterns of Work and Family in Europe: The Role of Policies”, Bruxelles, 11/12 octobre 2001.